



Ольга Калугина

«Позовем его сюда...»

С сентября 2008-го по май 2009 года в Музее-мастерской А.С.Голубкиной проходила выставка «Голубкина. Коненков. Секреты мастерства». Вполне понятно, что путь от возникновения идеи соединить этих великих скульпторов до ее воплощения оказался непрост, но неизбежен. Рано или поздно два «неспокойных москвича», как называли их в петербургской Академии художеств, должны были встретиться в качестве участников одной, именно им посвященной экспозиции. Ничто так не подчеркнет достоинства и неповторимость их художественного почерка, взглядов на жизнь и человеческих пристрастий, как этот неспешный диалог – не из уст в уста, а от произведения к произведению, от материала к материалу, от образа к образу.

◄ А.С.ГОЛУБКИНА
«Огонь».
Женская фигура
для камин. 1900
Гипс тонированный
Высота 62. Фрагмент
Музей-мастерская
А.С.Голубкиной

◄ Anna GOLUBKINA
Fire. A Female Figure
for the Fireplace. 1900
Toned plaster.
Height 62 cm
Detail
Anna Golubkina
Museum-studio



Olga Kalugina

“We shall call him here...”: Anna Golubkina and Sergei Konenkov

The exhibition “Golubkina. Konenkov. The Secrets of Mastery” opened last autumn in the Museum-studio of Anna Golubkina, the sculptor. It is quite clear that the journey from the idea to connect these two great masters to the actual exhibition dedicated to them both was not simple, but it was inevitable. Sooner or later these two “restless Muscovites”, as they were called in the Academy of Arts, were bound to meet not just in the classroom, or at exhibitions, or while visiting one another, but as the participants of one exhibition in particular – dedicated to both of them.



С.Т.КОНЕНКОВ ▶
Torso. 1913
Мрамор. Высота 99
ГТГ

Sergei KONENKOV ▶
Torso. 1913
Marble. Height 99 cm
Tretyakov Gallery



Nothing can bring out better their strength and the splendid disparity of their artistic manner, their worldview, their creative qualities and human likes and dislikes, than this unhurried dialogue. This conversation, not in words – effectively a mute dialogue between the two masters through their artworks – takes place as the viewer moves from one range of material to another.

Art critics recognized a long time ago the outstanding significance of Anna Golubkina and Sergei Konenkov in the development of the Russian plastic arts at the turn of the century, and for the whole culture of the so-called Silver Age. Their lives, so different from each other, were nevertheless similar in the amazingly high creative goals attained by the sculptors. In this sense, the closeness of their lives was already apparent during their apprenticeship. Alexei Svirin, the future assistant to Anna Golubkina, recalls: “Among the artists who visited the moulding workshop, the names of the young sculptors, Anna Golubkina and Sergei Konenkov, were mentioned more and more often. They were talked about as great future artists”.¹ The teachers’ expectations came true. Many decades later, after Golubkina had died, and Konenkov had found himself in far away countries, Mikhail Nesterov would confess: “Konenkov and she — here are two major figures.”²

It is interesting that the masters themselves recognized each other’s talent right away, and kept a mutual respect through until the end. Already during his apprenticeship, Konenkov’s most striking impressions were strongly connected with the personality of Golubkina: “Her works, cast in gypsum, stood in the workshop. They amazed me with their significance and unprecedented expressiveness of form.”³ The recollections of her contemporaries confirm that the admiration they had experienced in their youth did not fade with the years. “Konenkov loved Anna Semyonovna very much and spoke of her with admiration,”⁴ remembers Ivan Pavlovich, the brother of Svirin, the moulder who worked often with both masters. At the same time, Vasily Trofimov, Anna Semyonovna’s friend and the husband of one of her classmates, remarks: “Anna Semyonovna valued Konenkov’s talent very highly. She called his talent huge.”⁵

Golubkina’s favorite student, Zinaida Klobukova, also could not help noticing this remarkable relationship. She pointed out that: “...in art, she [Anna Golubkina. — O. K.] highly regarded only Konenkov, only

¹ A.S. Golubkina. Letters. Several words about the sculptor’s craft. Recollections of contemporaries. Moscow, 1983. p. 230.

² A.S. Golubkina. Letters, p. 358.

³ S.T. Konenkov. Recollections. Articles. Letters. Moscow, 1984. V. 1. p. 77.

⁴ A.S. Golubkina. Letters, p. 237.

⁵ Ibid., p. 320.



А.С.ГОЛУБКИНА
Портрет
Андрея Белого. 1907
Гипс тонированный
Высота 46
ГТГ

Anna GOLUBKINA
Portrait of
Andrei Bely. 1907
Toned plaster.
Height 46 cm
Tretyakov Gallery



С.Т.КОНЕНКОВ
Портрет
сказительницы былии
Мариш Дмитриевны
Кривополеновой
1916
Дерево. 40 x 24 x 32
ГТГ

Sergei KONENKOV
Portrait of the Maria
Krivopolenova,
Narrator of Heroic
Poems. 1916
Wood. 40 x 24 x 32 cm
Tretyakov Gallery

considering him equal to herself. She gave credit to the others, but really admired only Konenkov. Golubkina saw a genius in Konenkov and regarded him as such.⁶ We may refer to many such statements, but the most touching are the words of Vera Nikolaevna Golubkina, the niece of the sculptor and the first director of the Museum-workshop, who, already as a young girl, witnessed the two masters' mutual affinity for one another: "Anna Semyonovna and the man whom we met rushed to each other and kissed each other. 'Who was that?', I asked, when we were alone. 'That was Konenkov!', answered Anna Semyonovna."⁷

This same affinity and warmth is undoubtedly recognizable in their art works, placed next to each other. Their art has completely different internal and external qualities. It is not their comparison that is especially captivating — they are almost impossible to compare to each other — but the amazing opportunity to imagine the full scale of what the material is capable of, as you move from one master's pieces to the other master's creations, executed in stone and wood.

At the beginning of the 20th century the sculptors were among the first to return to the hard but so fruitful practice of the full mastery of the chosen technique. And each of them finds his or her unique way to work with wood and stone. Golubkina even considered necessary, while instructing her students, to describe Konenkov's method as especially distinctive and unique: "Sergei Konenkov always works with the whole piece of wood, but he becomes so much part of it, that he works simply by freeing what is inside it".⁸ As for Konenkov, he left us truly heartfelt words: "What a sensitive being it is — art! One false moment, when you try to convey something you do not feel, and the sculptor's fingers begin to lie, and the painter's 'strongest' colours do not worry anybody anymore. But that did not happen in Golubkina's life. I do not know a better teacher for young people, than her precise biography — not a word added, not a word taken away from her work — the biography of a great sculptor and dedicated revolutionary, Anna Semyonovna Golubkina [italics are mine. — O. K.]".⁹

But, during their lives, these masters were connected not only by the joy of creative success. They were also saddened by what they considered to be each other's misfortunes. Golubkina, who was older, was worried by the young Konenkov's worldview, but during hard times she herself found emotional strength in his optimistic nature. A viewer soon begins to pick up from the mood of the exhibition what they might have given each other (in the creative sense, of course, because the very meaning of their relationship — emotional and formal, but never indifferent — was creative). And the lines from Zinaida Klobukova's memoirs about Anna Golubkina become very clear: "In moments of doubt or great joy she used to say: 'Let's go to Konenkov', or: 'We shall call him here.'"

А.С.ГОЛУБКИНА
Ваза «Туман»
После 1904
Композиция
Мрамор. Высота 55
ГТГ

Anna GOLUBKINA
Vase "Mist"
After 1904
Composition
Marble. Height 55 cm
Tretyakov Gallery

Значимость творчества Анны Семеновны Голубкиной (1864–1926) и Сергея Тимофеевича Коненкова (1874–1971) для развития русской пластики рубежа веков, всей культуры Серебряного века давно признана искусствоведческой наукой как исключительная. Близость их — таких разных — судеб состояла в поразительной высоте достигнутых ваятелями творческих вершин и в этом смысле угадывалась современниками уже в период ученичества скульпторов. «...Среди художников, посещавших формовочную мастерскую, — вспоминал будущий помощник Анны Семеновны Алексей Свириин, — все чаще стали упоминаться имена молодых скульпторов — Голубкиной и Коненкова. О них говорили как о будущих больших художниках¹. И ожидания учителей оправдались. Спустя много десятилетий, когда уже оставила этот мир Голубкина и в далекие страны забросила судьба Коненкова, Михаил Нестеров утверждал: «Кonenkov и она — вот две фигуры крупнейшие»².

Интересно, что сами мастера также распознали талант друг друга сразу и на протяжении всей жизни сохраняли взаимное почтение. Так, уже в период ученичества самые яркие впечатления у Коненкова прочно связаны с личностью Голубкиной: «В мастерской стояли ее работы, отлитые в гипсе. Они поразили меня своей значительностью и небывалой выразительностью лепки»³. Отзывы современников подтверждают, что пережитое в юности восхищение не угасло с годами. «Кonenkov очень любил Анну Семеновну и с восторгом отзывался о ней»⁴, — вспоминал брат формовщика Свирина Иван Павлович, работавший с обоими мастерами. Супруг однокашницы Анны Семеновны и ее друг Василий Трофимов отмечал: «Талант Коненкова был высоко ценим Анной Семеновной. Она называла его талант громадным»⁵. Любимая ученица Голубкиной Зинаида Клобукова также не смогла обойти вниманием эти удивительные взаимоотношения, подчеркнув, что «в искусстве скульптуры она [А.С.Голубкина] высоко ставила лишь Коненкова, лишь его признавала ровней себе. Остальным она отдавала должное, но по-настоящему восхищал ее лишь один Коненков. В Коненкове Голубкина видела гениального человека и так и оценивала его»⁶. Подобных высказываний можно привести немало, но особенно трогают слова Веры Николаевны Голубкиной — племянницы скульптора, первого директора Музея-мастерской, — еще девочкой оказавшейся свидетельницей взаимной искренней симпатии мастеров: «Анна Семеновна и встретившийся с нами человек бросились друг к другу и расцеловались. "А это кто?", — спросила я, когда мы остались одни. "А это был Коненков!", — отвечала Анна Семеновна»⁷.



В соседстве их произведений, несомненно, наделенных совершенно разными внешними и внутренними качествами, угадываются симпатия и теплота. Захватывает не схожесть — их очень трудно сравнивать, — а поразительная возможность представить себе всю полноту возможностей материала, когда переходишь от творений одного скульптора к детищам другого, выполненным в камне или дереве. В начале XX века одни из первых возвратились они к тяжелой, но такой плодотворной практике полного освоения избранной техники. И каждый находил к дереву и камню свой неповторимый путь. Голубкина даже сочла необходимым в порядке наставления своим «ученицам и ученикам» описать метод Коненкова как сугубо авторский и самобытный: «С.Т.Кonenkov всегда работает из целого дерева, но он так сроднился с деревом, что кажется, что он не работает, а только освобождает то, что заключено в дереве»⁸. Сергей Тимофеевич оставил нам поистине проникновенные строки: «Какое чут-

кое создание — искусство! Стоит чуть покривить душой, попытаться передать то, чего не чувствуешь, и пальцы скульптора начинают лгать, а самые "сильные" краски живописца никого не волнуют. Но такого не было в жизни Голубкиной. Я не знаю лучшего учителя для молодежи, чем точная — ни полслова прибавлений, ни полслова умалений ее труда — биография великого скульптора и убежденного революционера Анны Семеновны Голубкиной»⁹.

Но не только радости творческих удач соединяли этих мастеров при жизни. Они горевали вместе о том, что считали неудачами друг друга. Старшая по возрасту Голубкина волновалась о человеческой позиции молодого еще Коненкова, в тяжелые минуты она черпала эмоциональные силы в его оптимистическом характере. И так понятны становятся строки из воспоминаний Клобуковой о Голубкиной: «В минуту сомнений или большой радости она говорила: "Пойдемте к Коненкову" или: "Позовем его сюда"».

¹ Голубкина А.С. Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников. М., 1983. С. 230 (Далее — Голубкина).

² Там же. С. 358.

³ Коненков С.Т. Воспоминания. Статьи. Письма. Т. 1. М., 1984. С. 77.

⁴ Голубкина. С. 237.

⁵ Там же. С. 320.

⁶ Там же. С. 332–333.

⁷ Там же. С. 279.

⁸ Там же. С. 130.

⁹ Коненков С.Т. Земля и люди. М., 1968. С. 79.

⁶ Ibid., p. 332–333.

⁷ Ibid., p. 279.

⁸ Ibid., p. 130.

⁹ S.T. Konenkov. The Earth and the People. Moscow, 1968. p. 79.